

0-761042

На правах рукописи

Тарасов Андрей Борисович

**Феномен праведничества
в художественной картине мира Л. Н. Толстого**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

A handwritten signature in black ink, consisting of several stylized, overlapping strokes that form a name, likely the author's name, Tarasov.

Москва 2006

Работа выполнена в Институте гуманитарных исследований
Московского гуманитарного университета

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ Владимир Андреевич Луков

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Владимир Алексеевич Воропаев

доктор филологических наук,
профессор Владимир Николаевич Захаров

доктор филологических наук,
профессор Марина Ивановна Щербакова

Ведущая организация:

Московский государственный педагогический открытый
университет им. М. А. Шолохова

Защита диссертации состоится 22 июня 2006 г. в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению в Московском
государственном областном университете по адресу: 105005, г. Москва,
ул. Ф. Энгельса, д. 21-а.

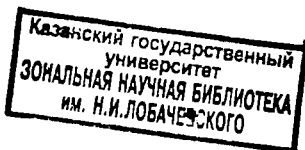
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва,
ул. Радио, д. 10-а.

Автореферат разослан «16» мая 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

И.К. Батурова

Батурова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современном научном сообществе ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что Л. Н. Толстой через художественное слово выражал социально значимые философские идеи о Боге, мире и человеке. На протяжении всей своей литературной деятельности Толстой с помощью разных художественных средств и образов стремился к наиболее точному, яркому и понятному читателю изображению своего главного героя — правды. Об этом герое писатель сказал еще в начале творческого пути — в «Севастопольских рассказах». Поэтому не без основания С. Л. Франк в речи, названной «Памяти Льва Толстого», высказал следующее суждение: «Толстой — пророк, который не знает иных мерил, иных точек зрения и оценок, кроме правды и праведности»¹.

Анализируя современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук, можно с уверенностью утверждать, что наметилась устойчивая тенденция к смещению исследовательского интереса ученых в сторону осмысления духовной жизни человека. Красно-речивым тому подтверждением является, к примеру, эволюция такой науки, как филология.

Филологическая наука 1990–2000-х годов пришла к пониманию необходимости создания новой концепции русской литературы, которая в полной мере учитывала бы религиозные (христианские) истоки творчества писателей. В декабре 2005 г. на «круглом столе» «Религиозное литературоведение: обретения и утраты» (филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова) уже подводились некоторые итоги работы в этом направлении.

¹ Франк С. Речь «Памяти Льва Толстого» // Русская мысль. — 1910. — Кн. 12. — Отд. 2. — С. 141.

Неслучайно возник и сам новый термин «религиозное литературоведение». В последние годы (1990–2006 гг.) в отечественной науке возник серьезный интерес к изучению религиозно-нравственных аспектов творчества русских писателей, к выявлению многообразных связей классической художественной литературы с духовными произведениями христианской письменности (как древней, так и новой). Достаточно упомянуть ставшие периодическими изданиями сборники научных трудов под названием «Христианство и русская литература» (Санкт-Петербург), «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков» (Петрозаводск) и «Русская литература XIX века и христианство» (Москва).

Абсолютно ясно, что Л. Н. Толстой как одна из самых авторитетных и знаковых фигур русской и мировой культуры требует специального внимания и тщательного изучения именно в указанном аспекте. Выработка полноценной научной концепции истории русской литературы возможна лишь с учетом духовного и собственно писательского опыта Толстого.

Научное осмысление творческого наследия Толстого в последние годы переживает так называемый кризис идентичности. С одной стороны, многие ученые-исследователи так же, как и политики, общественные деятели, рядовые читатели стали активно использовать слово писателя для подтверждения собственных взглядов, отклоняясь далеко в сторону от толстовских смыслов и идеалов. Этот факт объясняется тем, что долгие годы духовно-нравственная сторона произведений Толстого практически не изучалась, не учитывался опыт духовной, в том числе церковной, жизни писателя и его современников, отсутствовали знания о жизни Русской Православной Церкви у самих исследователей.

С другой стороны, все более явным становится «отрыв» целей и ценностей современного общества от толстовского понимания высшей жизненной правды. Даже простая постановка вопроса о качестве духовной жизни человека уже не для всех является очевидной. Отсюда возникает проблема трансляции социокультурного опыта, отраженного в произведениях Толстого, из художественного текста в реальность сегодняшнего дня, появляется потребность в «переводах» и «переводчиках».

Актуальность исследования феномена праведничества через анализ художественных творений Толстого определяется потребностью современного общества осмыслить онтологическую суть самого явления праведничества, с позиций гуманитарной науки изучить глубинные ресурсы человеческой природы, обозначить возможности полноценного диалога светского и духовного начал культуры, как отечественной, так и мировой. Таким образом, вектор исследования, выбранный в рамках диссертации, соответствует актуальной тенденции последних лет к «философизации» литературоведения. Неслучайно один из авторов энциклопедии «Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины» И. П. Ильин, утверждал следующее: «... Литературоведение перестает быть только наукой о литературе и превращается в своеобразный способ современного философского мышления»². А С. А. Мартыанова в статье «Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в.» делает вывод, что «литературоведение XXI в. нуждается в философском углублении своих

² Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины. — М., 1996. — С. 108.

проблем, в разработке теоретического языка, адекватного изучаемому предмету»³.

Степень разработанности проблемы. Во второй половине XX века господствовал сугубо гуманистический подход к изучению русской литературы, в том числе к творчеству Толстого. В результате множились случаи неадекватных интерпретаций религиозно-нравственной проблематики произведений писателя. Ярким примером подобного рода интерпретаций является фундаментальный труд Е. Н. Купреяновой «Эстетика Л. Н. Толстого», где поднимается широкий круг проблем (эстетических, религиозно-этических, источниковедческих и др.). Замечателен настойчивый призыв Купреяновой к отечественным литературоведам — не замалчивать, а тщательно изучать религиозную проблематику художественного наследия писателя, обращать особое внимание на источники его произведений, среди которых есть не только фольклорные, но и церковно-христианские, относящиеся к древнерусской литературе. В самой книге «Эстетика Л. Н. Толстого» указано большое количество таких источников.

Однако, полагая, что к «числу самых слабых сторон противоречий мысли Толстого относится идея нравственного самоусовершенствования», религиозная окраска которой «реакционна», Купреянова оказалась на стороне того подхода, который сама же критиковала. В результате она представила религию Толстого как поэтическую условность реалистического искусства, выражающую протест против богатых, утверждение «правды должного» только лишь как идеальной правды народного предания и только в разрабо-

³ Мартьянова С. А. Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в. // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). — М., 2001. — С. 59.

танных этим преданием форм иносказания (притчи, легенды, сказки) и в их религиозной символике. А древнерусские жития, ставшие источником вдохновения Толстого, воспринимались Купреяновой и ее современниками как сухие и бедные в художественном отношении произведения. Таким образом, становится практически неизбежным «обвиняющий» Толстого вывод, который и прозвучал у Купреяновой: «Немотивированность, или недостаточная мотивированность внезапного обращения разбойников в праведников, заставляет признать известное отступление Толстого от реалистических принципов его эстетики...»⁴.

Необходимо учитывать и тот факт, что сторонники подобного подхода до сих пор заметны на общем фоне современного литературоведения и занимают активную позицию. Например, теоретик литературы О. В. Гладкова в энциклопедической статье «Притча» утверждает, что «действительность в притче предстает в абстрагированном виде, без хронологических и территориальных примет, отсутствует и прикрепление к конкретным историческим именам действующих лиц»⁵.

Однако в последние годы (1990–2006 гг.) ситуация в отечественной науке стала меняться: активно обсуждается духовный смысл художественных произведений Л. Н. Толстого, внимательно изучаются связи его творений с древнерусской литературой, причем как на уровне поэтики, так и на уровне самого содержания.

Возникновение «религиозного литературоведения» в 1990-х годах способствовало преодолению обозначенной выше «обвиняющей» тенденции. В 1990–2000-х годах «религиозное литературоведение» заявило о себе через публикации таких ученых-филологов,

⁴ Мартынова С. А. Указ. соч. — С. 286.

⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — Стб. 808.

как Е. И. Анненкова, И. А. Виноградов, В. А. Воропаев, С. А. Гончаров, А. В. Гулин, Р.-Л. Джексон, М. М. Дунаев, В. Н. Захаров, И. А. Есаулов, М. В. Лосская-Семон, А. М. Любомудров, В. С. Непомнящий, К. А. Степанян, Б. Н. Тарасов, о. Геннадий (Беловодов), о. Иосиф (Затеишвили) и др.

В центре внимания исследователей оказался религиозный смысл творчества Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова. Круг писателей, попавших в орбиту «религиозного литературоведения», постоянно расширяется.

Уже сейчас можно говорить о том, что сформировался круг устойчивых тем, вокруг которых разворачивается основная научная дискуссия. К таким темам прежде всего относятся вопросы функционирования евангельского текста в литературных произведениях, трансляции духовного опыта Церкви и светского общества, а также самих писателей через их художественные творения, эпистолярное наследие, публицистику. Особое значение придается переосмыслению связей классической литературы XIX века с древнерусской литературой. Причем взаимодействие литературных эпох по-новому осмысливается не только в плане смысла, но и в плане поэтики. В результате появляются актуальные публикации как по истории, так и по теории литературы. Думается, именно «религиозное литературоведение» в современных условиях способно оказывать и оказывает существенное влияние на развитие теории литературы.

К примеру, весьма продуктивным для гуманитарной науки стало введение в научный оборот таких понятий, как «категория соборности», «категория пасхальности».⁶

---

⁶ См. работы И. А. Есаулова, В. Н. Захарова.

Однако переосмысление истории русской литературы с религиозной точки зрения породило и новые проблемы. Прежде всего имеется в виду явление так называемой «гиперкоррекции» — творчество писателей стало пересматриваться до того радикально, что у многих ученых появилась потребность выявлять христианские образы, мотивы и смыслы там, где их в реальности не было и нет.

В итоге писатели-гуманисты стали превращаться в «подлинно христианских писателей» (Л. Д. Опульская), а подлинные христианские ценности, отраженные в русской литературе, даже у тех же писателей-гуманистов, остаются за пределами внимания исследователей. Очевидно, что ученые-гуманитарии вкладывают в понятия «христианство», «христианский» нетрадиционный смысл, передающий иной духовный опыт, иную систему ценностей. Подобное явление наблюдается не только в филологии, но, к примеру, и в философии. Так, члены Московского толстовского общества, издавшие сборник научных докладов под названием «Толстой и религия», усматривают в поздних произведениях Л. Н. Толстого «по-новому понятое христианство», осуществившее «своеобразный духовный экumenизм».

Крайним выражением «христианизации» творчества того же Толстого стала статья В. Н. Назарова «Метафоры непонимания: Л. Н. Толстой и Русская Церковь в современном мире»⁷. Автор этой публикации утверждает, что по сути никакого расхождения у Толстого с Церковью не было: «Вся полемика Толстого с церковно-христианской мыслью сводится не к отбрасыванию, извращению, отрицанию краеугольных положений веры, а к способу их интерпре-

⁷ См.: Назаров В. Н. Метафоры непонимания: Л. Н. Толстой и Русская Церковь в современном мире // Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 156.

тации»⁸. А поэтому, не пора ли, считает Назаров, «понять и принять Толстого как великого русского христианина, выразившего в своем учении о законе любви, о непротивлении злему неисчерпаемые гуманистические возможности русского православия»⁹.

Серьезную критику «христианизации» Толстого высказали ученые, не принадлежащие к «апологетическому» направлению. К примеру, Е. В. Николаева отмечает неясность позиции многих толстоведов, «которые часто склонны рассматривать религию Толстого на уровне «общечеловеческих ценностей», объявляя ее формой свободомыслия писателя, средством гуманизации общества...»¹⁰. По словам Николаевой, исследователи, приписывающие Толстому религиозность патриархального крестьянства, «очень часто забывают, что подавляющая масса патриархального крестьянства являлась носителем православных традиций, а Толстой выступил проповедником модернизированного религиозного учения»¹¹.

О трудностях, неясностях и неточностях в «уразумении духовной драмы» Толстого читаем и в обзорной статье А. П. Дмитриева «Тема “Православие и русская литература” в публикациях последних лет»¹². А. П. Дмитриев справедливо замечает, что очень мало появляется работ, непосредственно изучающих именно художественное наследие писателя в религиозно-нравственном аспекте. А работы, являющиеся «типичным примером простодушного приме-

⁸ Назаров В. Н. Указ. соч. — Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Николаева Е. В. Художественное своеобразие творчества Л. Н. Толстого 1880—1890-х годов. АДД. — М., 1995. — С. 16.

¹¹ Там же. — С. 6.

¹² Дмитриев А. П. Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет // Русская литература. — 1995. — № 1. — С. 264—265.

ния толстовских критериев оценки Евангелия при анализе его поздней прозы», не способны удовлетворить требовательного исследователя.

Однако в современной науке существует, условно говоря, «аналитическое» направление, которое с 1990-х годов как раз пытается ликвидировать «неточности» в изучении русской литературы XIX века, в исследовании художественного мира Толстого. Большинство работ этого направления на основе разбора конкретных текстов касаются отдельных вопросов поэтики, содержания и связей толстовских творений с христианской традицией, древнерусской литературой и фольклором. Среди авторов подобных работ можно указать В. Б. Ремизова, А. В. Гулина, И. Ф. Салманову, А. Г. Гродецкую, Н. А. Переверзеву, Ю. А. Юртаеву, а также коллектив ученых, работающий под руководством М. И. Щербаковой над изданием нового, 100-томного Полного собрания сочинений Толстого. Эти ученые достигли серьезных результатов в плане источниковедения, отметили принципиальное внутреннее отталкивание Толстого от житийных канонов. Однако вопросы жанровой природы жития и поздних толстовских произведений еще ждут своего исследователя. А значит, неоднозначность толстовских художественных решений религиозных проблем требует нового осмысления.

Необходимо подчеркнуть, что вопросы высшего смысла человеческой жизни, веры, следования идеалу, праведничества до сих пор не всеми воспринимаются как подлинно научные. Сами слова «праведник», «идеал», «идеальный», «догматизм» и многие другие зачастую употребляются произвольно. Понимание феномена праведничества в рамках художественной картины мира Толстого затрудняется неполными, неточными представлениями о художественной природе и мировоззренческой основе древнерусских и

фольклорных источников, питавших литературное творчество писателя. Далеко не все ученые осознают степень и направленность влияния этих источников на Толстого. Именно здесь и сосредоточены актуальные проблемы современного толстоведения, на решение которых направлена диссертационная работа.

Однако, как показывает проделанный в диссертации анализ, по теме праведничества в отечественной и зарубежной науке имеются на данный момент лишь разрозненные статьи, частично касающиеся исследования самого феномена (см., например, работы В. Е. Хализова, С. А. Мартяновой, А. А. Горелова, Л. З. Немировской, И. Ф. Салмановой, М. М. Дунаева, Н. Кристесен, Х. Маклина, М. Жиолковски). В науке до сих пор не предпринималось систематического изучения феномена праведничества как такового, не осмыслялась его социокультурная роль, не обсуждалась тема праведничества и применительно к творчеству Л. Н. Толстого.

Таким образом, теоретическая неразработанность и практическая значимость проблемы праведничества и ее отражения в русской культуре, особенно в творчестве Л. Н. Толстого, обусловили выбор темы исследования, определили его цели и задачи.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации — выявить социокультурную сущность и значимость феномена праведничества на основе анализа философских и религиозно-нравственных смыслов, заложенных в творческом наследии Л. Н. Толстого, представленных в его картине мира.

Поставленная цель актуализирует и следующие задачи исследования:

- дать определение праведничеству как социокультурному явлению;
- дать краткий анализ художественной рецепции феномена праведничества в русской литературе XIX века;

- исследовать генезис проблематики праведничества, определить типологию праведников в творчестве Л. Н. Толстого и творческий метод писателя при художественном моделировании мира праведничества;
- рассмотреть результаты художественной интерпретации феномена праведничества в романах, повестях и рассказах Л. Н. Толстого;
- изучить характер «духовного перелома» Л. Н. Толстого и процесс трансформации его картины мира;
- определить новые формы интерпретации феномена праведничества, онтологические и гносеологические основы религиозного учения писателя, социокультурные последствия учения Толстого.

Структура диссертации. Указанные цель и задачи исследования определили структуру и основное содержание диссертации. Работа состоит из введения; трех глав: 1) «Художественное изображение мира праведничества: социокультурная функция литературы XIX века», 2) «Праведники и праведничество — ценностное «ядро» художественной картины мира Л. Н. Толстого», 3) «Феномен праведничества в поздних произведениях Л. Н. Толстого»; заключения; списка использованной литературы.

Методологическая основа исследования. Исследование феномена праведничества ориентировано на использование таких методов, как историко-типологический, структурно-функциональный, герменевтический, аксиологический. Существенными в методологическом плане для диссертационного исследования стали теоретические и практические разработки ученых МГУ им. М. В. Ломоносова (В. Е. Хализев, В. А. Воропаев), Института гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета (Вал. А. и Вл. А. Луковы), Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Л. Д. Опульская, А. В. Гулин), Института философии РАН

(А. А. Горелов) и ряда других исследователей, представляющих так называемое «религиозное литературоведение» (В. Н. Захаров, И. А. Есаулов, Б. Н. Тарасов, А. М. Любомудров, М. М. Дунаев).

Научная новизна исследования и основные положения, выносимые на защиту. В диссертации впервые предпринимается попытка научного описания и определения феномена праведничества, представляется анализ результатов отражения феномена праведничества в художественной литературе XIX века через изучение творчества Л. Н. Толстого и сопоставление полученных данных с поисками высшей правды, осуществленными другими известными русскими писателями второй половины XIX века.

Проблема праведничества ставится как проблема теории и истории литературы. В диссертации дается развернутый литературоведческий комментарий к художественному, эпистолярному и философско-публицистическому наследию Л. Н. Толстого в аспекте обозначенной темы исследования.

В целях объективного, научного освещения обозначенной в исследовании тематики и проблематики светский и духовный взгляд на феномен праведничества не противопоставляются, а сопоставляются и анализируются одновременно.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Праведничество — социокультурный феномен, соединяющий в себе опыт напряженной духовной жизни, онтологической причастности человека к миру идеального бытия, к высшей правде и практику воплощения идеала в условиях повседневной жизни.
2. Существенной стороной литературного процесса XIX века в России является опыт художественного изображения мира праведничества.

3. Литературные образы мира праведничества оказывали существенное влияние на духовный климат русского общества XIX века, тем самым реализовывалась социокультурная функция художественного текста.
4. Развернутая система персонажей-праведников организует художественное пространство ранних повестей и рассказов Толстого, его романов «Война и мир» и «Анна Каренина» и определяет ценностное «ядро» картины мира писателя.
5. Высшая жизненная правда для Толстого заключалась не только в разоблачении и осуждении зла, но и в художественном утверждении конкретных образов добра — правда-утверждение являлась творческим принципом Толстого.
6. Творческий период 1880-х годов представлял собой плавную эволюцию, а не кардинальное изменение концепции праведничества Толстого; в результате единство художественной картины мира писателя не было разрушено.
7. Философские трактаты Толстого явились своеобразным религиозным обоснованием его художественной картины мира, заложили онтологические и гносеологические основы художественной картины мира писателя в период его «позднего» творчества.
8. В гносеологическом плане праведничество является поиском человеком себя в истине, а не истины как таковой, в онтологическом — является непосредственным переживанием себя в истине при отсутствии отождествления себя с истиной.
9. В гносеологическом плане праведничество открывает человеку его ресурсы, необходимые для преодоления социального эгоизма и для обретения способности позитивно влиять на все стороны жизни как отдельных людей, так и социальных общностей, народов; в онтологическом — являет глубинную открытость человека другим

людям и миру в целом, эффективное служение ему на духовном, душевном и материально-телесном уровнях.

10. Антихристианская и христианская тенденции осмысления феномена праведничества присутствовали у Толстого одновременно. Они не вступали в противоречие, а отражали реальность двух разных сторон духовной жизни человека.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации получили апробацию в ходе выступлений автора диссертации с докладами на Международных чтениях «Ф. М. Достоевский и мировая культура» (г. Санкт-Петербург), Международных чтениях «Ф. М. Достоевский и современность» (г. Старая Русса), на заседаниях российско-германского семинара «Рихард Вагнер и русская культура», Третьей и Четвертой международной конференции «Молодые исследователи Чехова» (г. Москва), Третьей и Четвертой международной конференции «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков» (г. Петрозаводск), конференции «Христианство и культура: прошлое и настоящее» (г. Москва), конференции «Общехристианские проблемы и их актуальность в социокультурном контексте современной России» (Тульская обл.), Иринарховских православных образовательных чтениях (Ростовская обл.), Корнилиевских православных образовательных чтениях (Псковская обл.), Международной конференции «Русское литературоведение в новом тысячелетии» (г. Москва)», Международной литературоведческой конференции «100 лет после ухода А. П. Чехова. Неиссякаемый источник» (г. Каир, Египет), на заседаниях X Международных писательских встреч (Тульская обл.).

Основные положения диссертации опубликованы в ведущих отечественных научных изданиях, в том числе в журналах «Филологические науки», «Вестник МГУ», «Литература в школе», «Вопросы

философии», «Вестник молодых ученых», изложены в научных публикациях, отмеченных Государственной премией РФ в области науки и техники (2003) и грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук и их научных руководителей (2005), а также грантом-стипендией Международной академии наук (IAS).

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке нового академического издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах, осуществляемого Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН, при составлении общих и специальных курсов по истории русской литературы и теории литературы, при разработке учебно-методических пособий, а также новых учебников для школ и вузов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается значимость выбора и актуальность темы исследования, выявляется степень ее разработанности в научной литературе, дается аналитический обзор доминирующих направлений отечественного и зарубежного толстоведения, формулируются цель и задачи работы, определяются теоретико-методологическая база, научная новизна диссертации и основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Художественное изображение мира праведничества: социокультурная функция литературы XIX века» посвящена теоретическим аспектам исследования феномена праведничества. Праведничество рассматривается как социокультурный феномен. Изучение указанного явления связывается с вопросами обес-

печения качества духовной жизни современного человека. В диссертации отмечается, что выход из духовного кризиса, явно обозначившегося в последнее десятилетие в русском обществе, должен базироваться на совершенно другом, чем предлагается большинством современных ученых, принципе — исследуя «многополярный» мир, необходимо отказаться от «вариативности» как абсолютной ценности в онтологическом и гносеологическом смысле. На данном этапе истории важен поиск точек духовного объединения и роста, общего понимания того, что есть благо, высший смысл жизни, настоящая правда. Именно в этом сегодня заключается основная потребность различных социальных слоев и групп.

Своеобразие нашей отечественной истории заключается в том, что проблема поиска и следования идеалу, воплощения высшей правды в земной жизни человека очень активно обсуждалась на уровне художественной литературы. С. Малашенок в статье «Поэтика греха и грех поэтики», размещенной на сайте литературно-философского журнала «Топос» (<http://www.topos.ru>) даже приходит к выводу, что русская литература — «это, главным образом, жития праведников», а добро, духовность в «русской литературе праведничества» превратилось в «ось абсолюта», любое отклонение от которой воспринимается как грех.

В первой главе диссертации кратко рассматривается история осмысления феномена праведничества. При этом обращается внимание на то, что одним из первых «специалистов», «профессионалов» в осмыслении феномена праведничества, следует признать Н. С. Лескова. Он не только изучал церковную литературу (Св. Писание, Прологи, Минеи, Патерики), фольклорные произведения (духовные стихи, религиозные легенды, песни, сказки), не только создал самую большую галерею образов праведников, объединив

ряд своих творений в цикл «Праведники», но и пытался теоретически осмыслить само явление праведничества, определить рамки семантического наполнения слова-термина «праведник».

По Лескову, неверно называть людей святой жизни героями, ибо «святые отличались возвышенными свойствами гораздо более высокого качества, именно — *праведностью*»¹³ и «прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага, гораздо труднее, чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить себе в грудь пук штыков, как известный герой швейцарской свободы»¹⁴.

Не случайно, что и современными отечественными литературоведами более серьезно и обстоятельно проблема праведничества обсуждалась именно применительно к творчеству Н. С. Лескова. Толстоведам необходимо учитывать результаты этого обсуждения. Так, в статье «Лесковская концепция праведничества»¹⁵ дается ряд важных характеристик типа праведника (смирение, внешняя незаметность, самоотверженность, жертвенное служение ближним, веротерпимость, причастность христианской нравственности и национальным традициям и т. д.), подчеркивается своеобразие лесковских праведников на фоне русских подвижников благочестия средневековья (полемиическая направленность «житий» Лескова по отношению к идее нравственного усовершенствования и личного спасения души путем аскезы, удаления от мира, созерцательной молитвы и борьбы с собственной греховностью). Следует особенно подчеркнуть тот

---

¹³ Лесков Н. С. О героях и праведниках (заметка) // Церковно-общественный вестник. — 1881. — № 129. — С. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. — М., 1983.

факт, что авторы статьи «Лесковская концепция праведничества» не только замечают выделение Лесковым праведников из общей массы положительных героев литературы XIX века, но и обозначают определенное противопоставление лесковского типа праведника «героям времени» других писателей (Печорин Лермонтова и т. п.).

Наиболее ценные для науки суждения о праведничестве появились в теории литературы в самом конце XX века. В сборнике «Русская литература XIX века и христианство» (М., 1997) появились сразу две работы, напрямую связанные с осмыслением феномена праведничества в русской литературе. Речь идет о статьях С. А. Мартяновой и В. Е. Хализева. Оба литературоведа дают развернутую типологию праведников, учитывающую своеобразие не только душевной, но и духовной жизни литературных героев.

И все же классификация праведников, сделанная С. А. Мартяновой и В. Е. Хализевым, требует дальнейшего осмысления. Во-первых, данными учеными не учитывается позиция писателей по отношению к своим героям и функционирование самих «праведников» в художественных произведениях. Поэтому не случайно, что праведниками признаются, например, Константин Левин и Пьер Безухов, хотя Толстым они так не воспринимались. Во-вторых, ориентированность на евангельские заповеди не может рассматриваться в качестве универсального и достаточного принципа классификации праведников, ибо многие «идеальные герои» русской литературы ориентированы не на христианское учение, а на гуманистическо-рационалистическое толкование и отталкивание от него авторов-писателей.

Для осмысления феномена праведничества как социокультурного явления на современном этапе развития науки и общества необходимо обращаться к таким источникам исследования, как тексты

Священного Писания, фольклорные произведения, документы Русской Православной Церкви, католические нормативные акты и еврейские законодательные инициативы.

Особым обстоятельством социокультурной реальности наших дней является стремительное развитие сети Интернет, в результате которого все перечисленные выше источники, с одной стороны, стали общедоступными в электронном виде, а с другой стороны, появились анекдоты, форумы и иные способы передачи нового (в основном молодежного) понимания феномена праведничества.

В диссертации отмечается, что для изучения феномена праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого важен социокультурный контекст. Именно из книг Ветхого завета мы узнаем, что праведником был первый человек Адам (в раю и после искупления грехопадения). Нить понимания праведничества тянется через весь Ветхий завет к Новому (Авель — Авраам — Ной — Лот — пророки — Симеон-Богоприимец — родители Богородицы праведные Иоаким и Анна — праведный Иосиф-обручник).

Новый Завет открывает новую перспективу в понимании праведничества, раскрывая *первообраз* праведника — Богочеловека Иисуса Христа. Европейская культура средних веков и нового времени, как известно, развивалась под знаком Ветхого и Нового завета. Тексты Священного Писания являлись явным или скрытым источником творческого вдохновения художников, писателей, ученых, в том числе тех, кто демонстрировал свою богоборческую позицию.

Важно отметить, что и наши современники — пользователи сети Интернет не освободились от власти библейских образов и понятий, от воздействия церковного богослужения.

Таким образом, с одной стороны, следует учитывать, что тексты Священного Писания являются существенным источником для

филологического анализа представлений о праведничестве. А с другой стороны, при характеристике степени исследованности феномена праведничества, его рецепции Л. Н. Толстым, необходимо максимально учитывать результаты культурной деятельности XIX — начала XXI века, отраженные как в трактатах философов, в произведениях писателей, в работах ученых, так и в трудах богословов, священнослужителей, электронных посланиях пользователей сети Internet. По сути мы призваны анализировать полный спектр известных форм объективации культурных картин мира: миф, культ, искусство, науку.

В первой главе анализируется отражение феномена праведничества в художественной литературе XIX века. В диссертации отмечено, что об интересе к вопросам праведности, воплощения высоких человеческих идеалов свидетельствуют уже литературные творения писателей первой половины XIX века.

Новый период в истории русской литературы XIX века с точки зрения темы диссертации связан с именем Н. В. Гоголя. Именно Гоголь предельно заострил для светского сознания вопросы духовной жизни. По словам известного литературоведа В. А. Воропаева, «Гоголь — одна из самых аскетических фигур нашей литературы. Вся его жизнь, подобно жизни инока, была непрерывным подвигом и восхождением к высотам духа...»¹⁶. Иными словами, Гоголь на профессиональном уровне изучал феномен праведничества и стремился воплотить его во втором томе «Мертвых душ», осмыслить в своих духовных сочинениях (например, в «Размышлениях о Божественной литургии», в «Выбранных местах из переписки с друзьями»).

---

¹⁶ Воропаев В. А. Гоголь в последнее десятилетие его жизни: новые аспекты биографии и творчества. АДД. — М., 1997. — С. 4.

Проблема героя времени, положительного человека, подвижничества, праведничества, народных идеалов оказалась в центре внимания многих деятелей литературы и искусства второй половины XIX века. Среди них — Лесков, Некрасов, Тургенев, Достоевский, Короленко, Салтыков-Щедрин, Чехов, Толстой.

В диссертации утверждается, что в русской литературе 1880-х годов наблюдалась очевидная тенденция к снижению образа героя времени и замене его изображением обыкновенных, «средних» людей, «праведность» и «подвижничество» которых заключается в активном противостоянии окружающей их неправде, в искренности и непреднамеренности их заблуждений.

На их фоне герои-праведники Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова представляются скорее исключением из правила. Достаточно привести примеры таких персонажей, как Алеша Карамазов, старец Зосима, Макар Долгорукий у Достоевского, Алеша Горшок. Петр Михеев у Толстого или Игнатий Брянчанинов, протопоп Савелий Туберозов у Лескова. Однако анализ творчества Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы»), Чехова («Студент», «Святой ночью») показывает, что процесс изображения обыкновенного «среднего» человека идет параллельно с процессом художественного «моделирования» мира праведничества.

Анализ художественной рецепции православной традиции, актуализация текста и смысла Священного Писания, предпринятые русской литературой XIX века, дают основание говорить о том, что применительно к русской литературе XIX века необходимо вводить в научный оборот термин «категория праведничества». Правомерность подобного подхода очевидна и для западноевропейского научного сознания. Так, в 1988 г. немецкий исследователь П. Тирген

(P. Thiergen) в работе «"Шинель" Гоголя и Нагорная Проповедь» подчеркивал, что русскую реалистическую литературу XIX века характеризует общая христианская направленность, которую можно обозначить как «скрытое богословие», опирающееся на евангельские заповеди.

Вторая глава «Праведники и праведничество — ценностное «ядро» художественной картины мира Л. Н. Толстого» посвящена анализу смысловых доминант литературного творчества Толстого и степени влияния на них социокультурных факторов, духовного климата эпохи и фактов житейской и духовной биографии самого писателя.

В диссертации прослежен генезис проблематики праведничества и обозначена типология праведников в художественном мире Л. Н. Толстого. В исследовательском поле оказались такие произведения, как повесть «Детство», рассказ «Рубка леса», «Севастопольские рассказы», роман «Война и мир», роман «Анна Каренина». На основе подробного рассмотрения указанных произведений делаются следующие выводы. Во-первых, праведничество — феномен, являющий собой веру в идеал, в высшую правду, а также реальность воплощения идеала, реализуемую в повседневной жизни.

Во-вторых, праведничество представляет собой социокультурный феномен. Суть этого явления заключается в гармоничном сочетании уединения, сосредоточенности на деле личного спасения с открытостью миру, значительному влиянию на отдельных людей и на социальные общности.

В-третьих, праведничество в онтологическом плане является непосредственным, нерелекторным переживанием себя в истине при отсутствии отождествления себя с истиной.

В-четвертых, сознание современного массового читателя привыкло к образу Толстого-бунтаря, сектанта и даже богоотступника, активно расшатывающего церковные и государственные устои. В узких «интеллигентских» кругах все более популярной становится идея Толстого как религиозного учителя всего человечества, идея «духовного экуменизма» писателя, стремящегося к объединению всех религий. Однако при исследовании праведничества как социокультурного феномена через художественный текст Толстого, мы убеждаемся в том, что существенным в художественном мире писателя следует признавать православное понимание правды и праведничества.

И, в-пятых, творчество Толстого характеризует развернутая система персонажей-праведников, определяющая ценностное «ядро» его картины мира.

Значительное внимание в диссертации уделяется проблеме так называемого «духовного перелома» Л. Н. Толстого, его влиянию на литературное творчество писателя. В диссертации утверждается, что в 1880-х не произошло резкого «перелома» в жизни и творчестве Толстого. На самом деле происходила плавная эволюция взглядов и художественного метода писателя. Постепенное смещение акцента с изображения душевно-психологической жизни человека на описание духовного бытия, на разработку собственного религиозного учения обусловило трансформацию картины мира Толстого, повлекло за собой изменение форм художественного моделирования мира праведничества. Одной из самых заметных таких форм явилось создание цикла произведений о праведниках — «народных рассказов».

Тесная связь позднего художественного творчества Толстого с религиозным учением писателя, с его философскими и публицистическими работами предопределили необходимость изучения онтоло-

гических и гносеологических основы художественной картины мира писателя. Многие философы, критики, писатели указывали на логические противоречия в религиозном учении Толстого, называли его «плохим мыслителем». Однако реальные противоречия коренятся не в логическом порядке, не в аргументированности изложения, не в недостатке мыслительных способностей Толстого, а в своеобразии душевно-духовной жизни яснополянского философа.

Во-первых, толстовское религиозное учение базировалось на максимально учтенных фактах отрицательного опыта в области религии, искусства, науки и т. д., на основании чего были сделаны негативные выводы о Православной церкви, науке, искусстве и т. д. как таковых в целом, то есть большой положительный опыт христианского мира, не пережитый Толстым по разным причинам лично, остался как бы вне его кругозора.

Во-вторых, мнимая непоследовательность учения Толстого, которую принимали за реальное противоречие с действительностью, как раз отображала настоящую действительность постоянной духовной борьбы между антихристианскими настроениями писателя и его подспудной тягой к Православию. Об этой тяге свидетельствуют, например, дневники С. А. и Т. Л. Толстых, факты биографии самого Л. Н. Толстого (уход из Ясной Поляны и посещение Оптиной пустыни в 1910 г.), некоторые художественные произведения («Анна Каренина», «Петр Хлебник», «Алеша Горшок» и др.), в основе которых лежит именно православная система ценностей, хотя она открыто не декларирована и даже вряд ли вполне осознавалась Толстым.

Изучение гносеологических и онтологических основ религиозного учения Толстого позволяет по достоинству оценить яснополянского мыслителя и способствует пониманию того, что это учение, обеспечивая смысловую нагрузку художественных произведе-

ний писателя, отражало лишь одну часть духовного опыта человечества и обнаруживало необходимость и недостаток другой, положительной, той части, которая так же, как и отрицательная, в полной мере проявляется в художественной картине мира Толстого.

Философские трактаты Толстого явились как бы непосредственным религиозным обоснованием картины мира писателя, заложили онтологические и гносеологические основы художественного своеобразия его «поздних» литературных произведений.

Третья глава «Феномен праведничества в поздних произведениях Л. Н. Толстого» посвящена творчеству «позднего» Толстому. В данной главе посредством анализа художественных произведений исследуются явления праведничества и лжеправедничества как способы передачи различного по сути опыта духовной жизни человека. С этой целью рассматриваются повести «Фальшивый купон» и «Отец Сергей».

Изучение указанных произведений показало, что антиправославная тенденция автора, реализованная в определенных эпизодах внешней канвы повествования, не совпадает с объективно данным внутренним смыслом текста Толстого. В повестях «Фальшивый купон» и «Отец Сергей» как бы «дедогматизируется» концепция праведничества Толстого, демонстрируется полноправное существование высшей правды в православном ее понимании. Иными словами, Толстой невольно показывает силу и красоту православия.

Поэтому становится ясным, что повесть «Отец Сергей» имеет открытым финал не только из-за незавершенности произведения писателем (дневники и записные книжки 1900-х годов свидетельствуют о его желании вернуться к доработке произведения), но и из-за отсутствия окончательного и однозначного художественного завершения «монастырской» темы, которая по сути переросла в тему

лжеправедничества и праведничества, падения и воскресения человека, в тему взаимодействия на одном социокультурном пространстве двух различных моделей мира праведничества.

Своеобразный художественный анализ процесса падения и воскресения человека представлен в романе Толстого «Воскресение». Исследователи до сих пор ведут споры о смысле названия романа и о том, кто же, собственно говоря, духовно воскресает, Нехлюдов или Катерина Маслова. Большинство отечественных ученых склоняются к мысли о нравственном превосходстве Катюши над ее обольстителем, а возрождение Нехлюдова воспринимают как авторские натяжки и отступление от реализма. Важно отметить и иное мнение. Так, согласно А. В. Гулину, в романе «Воскресение» настоящего духовного перелома и воскрешения не происходит¹⁷.

В диссертации делается вывод о том, что тема «воскресения» в романе связана прежде всего с Дмитрием Ивановичем Нехлюдовым, в образе которого нашел наиболее полное воплощение тип «кающегося грешника» (или «обращающегося праведника»), являющийся наиболее часто встречающимся в творчестве Толстого 1890-х годов.

Именно с помощью Нехлюдова выстраивается процесс художественного воплощения мира праведничества, смысловым завершением которого стало изображение так называемых «авторских» праведников, т. е. героев, выражающих позицию самого писателя. Об этом свидетельствует образ старика-раскольника, живущего уже «как должно», «по-Божески», а не «как есть». Тяготением к изображению подобных героев во многом определяется характер толстовских произведений 1900-х годов и та система координат, в которую вписывается вся художественная картина мира Толстого.

¹⁷ См.: Гулин А. В. «Воскресение» и Воскресение. Последний роман Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой. Воскресение. — М., 1995.

Оппозиция «божеское — человеческое» осмыслиется в диссертации как «итоговые» координаты художественной картины мира Толстого, его понимания феномена праведничества на примере таких произведений, как легенда «Разрушение ада и восстановление его», рассказ «Божеское и человеческое», повесть «Посмертные записки старца Федора Кузмича», повесть «Нет в мире виноватых».

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Диссертационная работа показала, что Толстой через свое художественное творчество дает анализ качества духовной жизни человека. Мерилом этого качества выступает праведничество, которое представляет собою напряженное переживание духовной жизни, онтологическую приобщенность человека к миру идеального бытия, к высшей правде и социальную практику воплощения идеала в условиях обычной повседневной жизни. В гносеологическом плане праведничество является поиском человеком себя в истине, стремление к истине, отрицание самодостаточности самого процесса поиска. В онтологическом плане праведничество является нерефлекторным переживанием себя в истине, а не представление себя, своих мыслей и чувств, своего опыта в качестве истины.

В гносеологическом плане праведничество открывает человеку его глубинные ресурсы, необходимые для преодоления социального эгоизма и для обретения способности позитивно влиять на все стороны жизни. В онтологическом аспекте праведничество свидетельствует о глубинной открытости праведника социальной жизни, об эффективном служении обществу в целом и конкретным окружающим людям в частности. Причем в этом служении задействованы все жизненные уровни человека: духовный, душевный и материально-телесный.

Как было обозначено в диссертации, выбор фигуры Толстого для изучения феномена праведничества оказался не случаен. На протяжении всей своей литературной деятельности Толстой с помощью разных художественных средств и образов стремился к наиболее адекватному и выразительному с художественной и содержательной стороны изображению своего главного героя — правды. В диссертации приводились конкретные подтверждения этого суждения.

Важно принимать во внимание и тот факт, что если творчеством А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя было положено начало художественному осмыслению феномена праведничества, то русская литература второй половины XIX в. профессионально занялась исследованием представлений о высшей правде. Применительно к этому периоду русской литературы и, шире, культуры можно говорить о наличии категории праведничества. И очевидно, что творчество Л. Н. Толстого требует особого внимания и тщательного изучения именно в указанном аспекте. Выработка полноценной научной концепции истории русской литературы становится возможной лишь на основании анализа духовного и собственно писательского опыта Толстого.

В диссертации отмечается, что «божеское» и «человеческое» — это своеобразная аксиологическая парадигма Толстого. Изучение контекста употребления элементов парадигмы позволяет адекватно осмыслять процесс изображения мира праведничества Толстым и его современниками. Об этом свидетельствует предпринятый в диссертации анализ одной из самых нестандартных толстовских попыток художественного воплощения мира праведничества — рассказа-легенды Л. Н. Толстого «Разрушение ада и восстановление его».

На основе изучения творчества Толстого делается вывод о том, что художественное «моделирование» мира праведничества, пости-

жение праведничества как социокультурного феномена, присущего жизни светских людей, а не только монахов, представляется весьма актуальным.

В Заключении делается вывод о том, что творчество русских писателей XIX века в целом и Толстого в частности представляло собой опыт художественного изображения мира праведничества. Литературные модели праведничества оказывали и могут оказывать существенное влияние на духовный климат русского общества, тем самым выполняя значимую социокультурную функцию художественного текста. Сам Толстой своим творчеством продемонстрировал глубину постижения законов духовной жизни человека, личное постоянное и последовательное стремление к праведничеству.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

– во-первых, современное литературоведение преодолевает разрушительную энергию постмодернизма с его основными понятиями «мир как хаос», «кризис авторитетов», «провал коммуникации». Вместо хаоса утверждается гармония, вместо отсутствия авторитетов признается наличие духовной опоры в лице подвижников и праведников, а вместо провала коммуникации актуализируется реальность глубокого общения и взаимопонимания;

– во-вторых, утрачивает свое значение распространенный миф о том, что художественное творчество вершится исключительно на почве «духовного голода». В диссертации подтверждается мнение ряда современных исследователей о том, что «полнота жизни» в качестве источника вдохновения, способствовала появлению на свет многих литературных шедевров, оказывала существенное воздействие на литературный процесс, на социокультурную ситуацию той или иной эпохи;

– в-третьих, современное литературоведение продвинулось вперед в области герменевтики. Изучение литературных текстов как фактов духовной жизни человека позволяет ученым избегать одно-сторонностей в теории и практике интерпретаций. Становится ясным, что не правы те ученые, которые отрицают возможность единственно верной интерпретации художественного произведения и отстаивают тезис о неизбежной ошибочности любого прочтения текста (Ж. Деррида, П. де Ман, Х. Бум, Дж. Хартман, Дж. Х. Миллер). Нельзя согласиться и с мнением тех исследователей, которые утверждают, что истинная интерпретация может быть только одна (В. В. Библихин). В диссертации демонстрируется возможность существования в пределах одного текста или даже фрагмента текста двух истинно верных интерпретаций. Дело в том, что в литературном тексте заложена способность изображения двух различных сторон духовной жизни человека, каждой из которых будет соответствовать своя интерпретация. Задача ученого раскрыть отражаемую в художественном произведении внехудожественную реальность во всей полноте успешно реализуется в рамках «религиозного литературоведения»;

– в-четвертых, на данном этапе развития литературоведения необходимо обратить существенное внимание на такой тип авторской эмоциональности, как «благодарное приятие мира и сердечное сокрушение» (В. Е. Хализев). До этого учеными исследовались по преимуществу другие типы авторской эмоциональности: героическое, идиллическое, сентиментальность, романтика, трагическое, комическое, ирония.

Данная диссертационная работа вписывается в контекст «религиозного литературоведения». На основе полученных результатов, а также достижений ведущих ученых, представляющих указанное

направление в филологии, вряд ли можно согласиться с критикой «религиозного литературоведения», которая раздается даже не со стороны священнослужителей, а со стороны коллег-ученых. Показательным примером подобной критики является упоминавшаяся статья С. А. Мартьяновой «Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в.». Исследовательница подвергает сомнению формы мышления и подходы «религиозной филологии», утверждая, что раскрытие христианской проблематики требует богословской и философской просвещенности, с одной стороны, и подвергает ученых опасности изображения писателей в виде святых, с другой. В итоге, по мнению Мартьяновой, игнорируются и реальная сложность человеческой личности, и оттенки духовности, религиозности конкретного писателя. Безусловно, углубление в христианскую проблематику невозможно без соответствующих дополнительных знаний и опыта. Существует и риск идеализации исследуемого автора, его духовного пути. Однако трудности, возникающие при осмыслении духовного смысла литературных творений, не могут служить доказательством ошибочности самого направления исследования «религиозной филологии». Эти трудности успешно преодолеваются современной гуманитарной наукой.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. *Тарасов А. Б.* Что есть истина? Праведники Льва Толстого. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 176 с. (8,3 п. л.)
2. *Тарасов А. Б.* В поисках идеала: между литературой и реальностью. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. — 106 с. (6,5 п. л.)

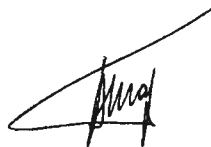
3. *Тарасов А. Б.* О «поэзии» разнообразия и «прозе» однообразия в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Литература в школе. — 1997. — № 4. — С. 32–42. (0,5 п. л.)
4. *Тарасов А. Б.* Является ли праведницей Анна Каренина? // Литература в школе. — 2001. — № 3. — С. 2–6. (0,5 п. л.)
5. *Тарасов А. Б.* Проблема праведничества в «Войне и мире» (своеобразии положительных героев романа Л. Н. Толстого) // Вестник МГУ. Серия Филология. — 2001. — № 4. — С. 17–22. (0,5 п. л.)
6. *Тарасов А. Б.* Праведники и подвижники и тема воскресения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филологические науки. — 2001. — № 5. — С. 21–30. (0,6 п. л.)
7. *Тарасов А. Б.* Гносеологические и онтологические основы религиозного учения Л. Н. Толстого // Вопросы философии. — 2001. — № 8. — С. 137–145. (0,6 п. л.)
8. *Тарасов А. Б.* «Монастырская» тема в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей» (проблема праведничества и лжеправедничества) // Вестник молодых ученых. — 2001. — № 6. — С. 47–50. (0,5 п. л.)
9. *Тарасов А. Б.* Какую правду проповедовал Толстой // Литература в школе. — 2003. — № 3. — С. 12–19. (0,5 п. л.)
10. *Тарасов А. Б.* Сходство и различие в истолковании нравственно-философской проблематики в «Дневнике писателя» Достоевского и в дневниках Толстого // Достоевский и современность. — Новгород, 1995. — С. 172–177. (0,4 п. л.)
11. *Тарасов А. Б.* «Путаница понятий» и «свет любви» в религиозно-нравственных исканиях Константина Левина // Литературная учеба. — 1996 — № 1. — С. 128–146. (0,5 п. л.)
12. *Тарасов А. Б.* «Тип старика, который у меня предвосхитил Чехов...» (праведники у Толстого и Чехова) // Молодые исследователи Чехова. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 210–216. (0,5 п. л.)

13. *Тарасов А. Б.* Праведники Толстого и идеал современности // Новая книга. — 1998. — № 11—12. (0,5 п. л.)
14. *Тарасов А. Б.* Христианские и нехристианские основы «народных рассказов» Л. Н. Толстого // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2000. — № 3. — С. 137–144. (0,5 п. л.)
15. *Тарасов А. Б.* Нужен ли Л. Н. Толстой православному человеку? // Даниловский благовестник. — 2000. — № 12. — С. 43–47. (0,4 п. л.)
16. *Тарасов А. Б.* В поисках высшей правды (Л. Н. Толстой и православие как духовная и литературная проблема) // Литературная учеба. — 2001. — № 6. — С. 74–83. (0,5 п. л.)
17. *Тарасов А. Б.* Л. Н. Толстой и Вагнер: искусство и религия // Новая книга России. — 2001. — № 7. — С. 55–57. — 0,4 п. л.
18. *Тарасов А. Б.* Духовный путь Льва Толстого // Глагол. — 2001. — № 6. — С. 24–28. (0,4 п. л.)
19. *Тарасов А. Б.* Легенда «Разрушение ада и восстановление его» как «объективный» итог «субъективной» концепции праведничества Толстого // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. — Петрозаводск, 2001. — С. 430–437. (0,5 п. л.)
20. *Тарасов А. Б.* Хронологические рамки «духовного перелома» Толстого // Литературоведческий журнал. — 2001. — № 15. — С. 280–287. (0,5 п. л.)
21. *Тарасов А. Б.* Категория праведничества в творчестве А. П. Чехова // Молодые исследователи Чехова. — М., 2001. — Вып. 4. — С. 90–99. (0,5 п. л.)
22. *Тарасов А. Б.* Праведники Толстого // Глагол. — 2001. — № 7. — С. 32–37. (0,5 п. л.)
23. *Тарасов А. Б.* «Толстой не мог правдиво написать неправду...» (о христианских и нехристианских мотивах в творчестве

- Л. Н. Толстого) // Страницы: Богословие. Культура. Образование. — 2001. — Том 6. — Вып. 3. — С. 411–421. (0,5 п. л.)
24. *Тарасов А. Б.* О своеобразии религиозности искусства Льва Толстого и Рихарда Вагнера // Музыкаведение к началу века: прошлое и настоящее. — М., 2002. — С. 177–185. (0,5 п. л.)
25. *Тарасов А. Б.* «Божеское» и «человеческое»: поздние произведения Л. Н. Толстого // Глагол. — 2002. — № 8. — С. 22–28. — 0,5 п. л.
26. *Тарасов А. Б.* Праведничество в художественном мире А. П. Чехова // Домашний лицей. — 2002. — № 5. — С. 57–66. (0,5 п. л.)
27. *Тарасов А. Б.* Житийные праведники в творчестве Л. Н. Толстого / А. Г. Гродецкая. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. — СПб.: Наука, 2000. — 264 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2002. — № 4. — С. 246–251. (0,4 п. л.)
28. *Тарасов А. Б.* Актуальные проблемы современного толстоведения // Духовное наследие Л. Н. Толстого и современный мир. — Липецк, 2003. — С. 18–26. (0,5 п. л.)
29. *Тарасов А. Б.* Социальный идеал // Актуальные проблемы гуманитарных исследований. — М., 2004. — С. 16–18. (0,3 п. л.)
30. *Тарасов А. Б.* К высшей правде // Толстой. Новый век. — 2005. — № 1. — С. 85–96. (0,5 п. л.)
31. *Тарасов А. Б.* Повесть Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» — «житийная литература нового времени» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. — Петрозаводск, 2005. — С. 408–416. (0,5 п. л.)

32. *Тарасов А. Б.* Праведники А. П. Чехова: Дон-Кихот или Гамлет? // Шекспировские штудии. Трагедия «Гамлет». — М., 2005. — С. 58–65. (0,4 п. л.)
33. *Тарасов А. Б.* Культурология праведничества // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 2. — С. 155–159. (0,5 п. л.)
34. *Тарасов А. Б.* Культурология праведничества: новый аспект в научном и вузовском изучении творчества Л. Н. Толстого // Высшее образование для XXI века. II Международная научная конференция. Высшее образование и мировая культура: Материалы докладов секции. — М., 2005. — С. 36–42. (0,4 п. л.)
35. *Тарасов А. Б.* Моделирование мира праведничества: тезаурусная парадигма Л. Н. Толстого // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. — Вып. 1. — М., 2005. — С. 25–35. (0,5 п. л.)
36. *Тарасов А. Б.* Моделирование мира «нового» праведничества: тезаурусы А. Платонова и М. Цветаевой // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. — Вып. 2. — М., 2005. — С. 45–54. (0,5 п. л.)
37. *Тарасов А. Б.* Праведничество в художественном мире Л. Н. Толстого // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 4. — С. 139–145. (0,5 п. л.)
38. *Тарасов А. Б.* Воспитание через моделирование мира праведничества: от сети Internet к русской культуре // Высшее образование для XXI века: Сб. науч. трудов. — М., 2006. — С. 322–333. (0,7 п. л.)
39. *Тарасов А. Б.* Ученый-гуманитарий как носитель социального идеала // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. — М.: Национальный институт бизнеса, 2006. — С. 47–58. (0,5 п. л.)

40. *Тарасов А. Б.* Духовная жизнь человека: современный опыт научного осмысления (религиозное литературоведение) // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. — М.: Национальный институт бизнеса, 2006. — С. 331–348. (0,5 п. л.)
41. *Тарасов А. Б.* Моделирование тезаурусов: мир праведничества в тезаурусной парадигме Л. Н. Толстого // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. — М.: Национальный институт бизнеса, 2006. — С. 609–625. (0,5 п. л.)
42. *Тарасов А. Б.* Понимание праведничества // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 1. — С. 41–48. (0,5 п. л.)
43. *Тарасов А. Б.* Праведники А. П. Чехова — образ религиозных сомнений и веры писателя // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. — Вып. 5. — М., 2006. — С. 16–24. (0,5 п. л.)
44. *Тарасов А. Б.* Н. Н. Страхов в поисках идеала: между литературой и реальностью // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. — Вып. 5. — М., 2006. — С. 24–29. (0,5 п. л.)
45. *Тарасов А. Б.* «Моделирование» мира праведничества: опыт Л. Н. Толстого, Русской Православной Церкви и сети Интернет // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2006. — Вып. 64. — С. 135–147. (0,8 п. л.)

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 10.05.2006 г. Формат 60x84 1/16 Усл. печ. л. 2,0

Тираж 150 экз. Заказ № 986

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1

10 =